

**ГАНС
ХРИСТИАН
АНДЕРСЕН**

ДЕВА ЛЬДОВ

Ганс Андерсен

Дева льдов

«Public Domain»

1861

Андерсен Г. Х.

Дева льдов / Г. Х. Андерсен — «Public Domain», 1861

«Заглянем-ка в Швейцарию, в эту дивную горную страну, где по отвесным, как стены, скалам растут тёмные сосновые леса. Взберёмся на ослепительные снежные склоны, опять спустимся в зелёные равнины, по которым торопливо пробегают шумные речки и ручьи, словно боясь опоздать слиться с морем и исчезнуть. Солнце палит и внизу, в глубокой долине, и в вышине, где нагромождены тяжёлые снежные массы; с годами они подтаивают и сплавляются в блестящие ледяные скалы, или катящиеся лавины и громоздкие глетчеры. Два таких глетчера возвышаются в широком ущелье под «Шрекгорном» и «Веттергорном», близ горного городка Гриндельвальда. На них стоит посмотреть; поэтому в летнее время сюда наезжает масса иностранцев со всех концов света. Они переходят высокие покрытые снегом горы, или являются снизу из глубоких долин, и тогда им приходится взбираться ввысь в продолжении нескольких часов...»

© Андерсен Г. Х., 1861

© Public Domain, 1861

Содержание

I. Руди	5
II. В новую семью	9
III. Дядя	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ганс Христиан Андерсен

Дева льдов

І. Руди

Заглянем-ка в Швейцарию, в эту дивную горную страну, где по отвесным, как стены, скалам растут тёмные сосновые леса. Взойдём на ослепительные снежные склоны, опять спустимся в зелёные равнины, по которым торопливо пробегают шумные речки и ручьи, словно боясь опоздать слиться с морем и исчезнуть. Солнце палит и внизу, в глубокой долине, и в вышине, где нагромождены тяжёлые снежные массы; с годами они подтаивают и сплавляются в блестящие ледяные скалы, или катящиеся лавины и громоздкие глетчеры. Два таких глетчера возвышаются в широком ущелье под «Шрекгорном» и «Веттергорном», близ горного городка Гриндельвальда. На них стоит посмотреть; поэтому в летнее время сюда наезжает масса иностранцев со всех концов света. Они переходят высокие покрытые снегом горы, или являются снизу из глубоких долин, и тогда им приходится взбираться ввысь в продолжении нескольких часов. По мере того, как они восходят, долина опускается всё глубже и глубже, и они смотрят на неё сверху, точно из корзины воздушного шара. В вышине над ними, на горных выступях виснут тяжёлыми, плотными, дымчатыми занавесями облака, а внизу в долине, где разбросаны бесчисленные тёмные деревянные домики, ещё светит солнце, и залитый его лучами зелёный клочок земли выделяется так ярко, что кажется почти прозрачным. Внизу воды шумят, бурлят и рекут, в вышине же мелодично журчат и булькают; ручейки выются здесь над скалами точно серебряные ленты.

По обеим сторонам дороги, ведущей вверх, расположены бревенчатые дома; при каждом – картофельный огородик; тут это необходимо: в каждом домике масса ртов, целая куча ребят, а они-то есть мастера. И ребятишки ежедневно высыпают на дорогу и обступают туристов, и пеших, и приехавших в экипажах. Вся эта толпа малышей торгует изящно вырезанными из дерева домиками, моделями настоящих здешних домов, и другими безделушками. Малыши не смотрят на погоду, – и в дождь, и в солнце они одинаково на своих местах.

Лет двадцать тому с небольшим, стаивал тут иногда, но всегда в сторонке от других детей, один маленький мальчуган. Он тоже выходил торговать, но стоял всегда с таким серьёзным личиком и так крепко сжимал в руках корзинку с товарами, как будто ни за что не желал расставаться с ними. Именно эта серьёзность крохотного мальчугана и привлекала на него общее внимание. Его подзывали, и он почти всегда торговал счастливее всех своих товарищей, сам не зная почему. Повыше, на горе, жил его дедушка, который и вырезывал все эти изящные, прелестные домики. В хижине у них стоял старый шкаф, битком набитый разными резными вещицами; там были и орешные щелкуны, и ножи, и вилки, и ящики, украшенные затейливой резьбой: завитушками, гирляндами и скачущими сернами. У любого ребёнка разбежались бы глаза, но Руди – так звали мальчика – больше заглядывался на старое ружьё, подвешенное к потолку. Дедушка сказал мальчику, что ружьё будет со временем его, но не раньше, чем он подрастёт и окрепнет настолько, что сумеет справляться с такой вещью.

Как ни мал был Руди, ему уже приходилось пасти коз, и, если уметь лазать, как козы, значит быть хорошим пастухом, то Руди был отличным. Он лазал даже повыше коз, взлезал за птичьими гнёздами на самые высокие деревья. Большой смельчак был Руди, но улыбку на его лице видали лишь в те минуты, когда он прислушивался к шуму водопада или грохоту лавины. Никогда не играл он с другими детьми и сходил с ними лишь когда дедушка высылал его продавать разные безделушки, что Руди не особенно-то было по вкусу. Он больше любил карабкаться один по горам, или сидеть подле деда и слушать его рассказы о старине и о народе,

живущем вблизи, в Мейринге, откуда он сам был родом. Народ этот не жил тут с сотворения мира – рассказывал дедушка – но пришёл сюда с севера, оставив там своих родичей, шведов. Такие сведения обогащали ум Руди, но он получал сведения и иным путём – от домашних животных. У них была большая собака, по имени Айола, принадлежавшая ещё покойному отцу Руди, и кот. Последний-то и играл в жизни Руди особенно важную роль – он выучил мальчика лазать.

«Пойдём со мной на крышу!» – говаривал кот самым ясным, понятным языком. Дитя, ещё не умеющее говорить, отлично, ведь, понимает и кур, и уток, и кошек, и собак; они говорят так же понятно, как и папаша с мамашей, но чтобы понимать их, надо быть очень, очень маленьким! Тогда и дедушкина палка может заржать, стать лошастью, настоящей лошадью с головой, ногами и хвостом! Иные дети утрачивают такую понятливость позже, чем другие, и слывут поэтому неразвитыми, отставшими; о них говорят, что они чересчур долго остаются детьми. Мало ли ведь, что говорят!

«Пойдём со мной на крышу, Руди!» – вот первое, что сказал кот, а Руди понял. «Говорят, что можно упасть, – вздор! Не упадёшь, если не будешь бояться! Иди! Одну лапку сюда, другую сюда! Упирайся передними лапками! Гляди в оба! И будь половчее! Встретится расщелина – перепрыгни, да держись крепко, как я!»

Руди так и делал; оттого он часто и сиживал рядом с котом на крыше, но сиживал и на верхушках деревьев и высоко на уступе скалы, куда даже кот не забирался.

«Выше! Выше!» твердили деревья и кусты. «Видишь, как мы лезем вверх, как крепко держимся, даже на самом крайнем, остром выступе!»

И Руди часто взбирался на гору ещё до восхода солнца и пил там своё утреннее питьё – свежий, крепительный горный воздух, питьё, которое может изготовлять лишь сам Господь Бог, а люди только могут прочесть его рецепт: «свежий аромат горных трав да запах мяты и тмина, растущих в долинах». Все тяжёлые частицы воздуха впиваются облаками, которые ветер расчёсывает потом гребнем сосновых лесов, и вот, воздух становится всё легче, всё свежее! Так вот какое питьё пил Руди по утрам.

Солнечные лучи, благодатные дети солнца, целовали Руди в щёчки, а Головокружение стояло на стороже, но не смело приблизиться. Ласточки же, жившие под крышей дедушкиного дома – там лепилось, по крайней мере, семь гнёзд – вились над Руди и его стадом и щебетали: «Вы и мы! Мы и вы!» Они приносили Руди поклоны из дому, между прочим даже от двух кур, единственных птиц в доме, с которыми Руди, однако, не водился.

Как ни мал он был, ему уже доводилось путешествовать на своём веку, и не близко для такого малыша. Родился он в кантоне Валлис, по ту сторону гор, и был перенесён сюда ещё годовалым ребёнком. А недавно он ходил пешком к водопаду «Штаубаху», который развеивается в воздухе серебряною вуалью перед лицом вечно снежной, ослепительно-белой Юнгфрау. Побывал Руди и на большом Гриндельвальдском глетчере, но с этим связана грустная история! Мать его нашла там себе могилу; там же, по словам деда, маленький Руди потерял свою детскую весёлость. Когда мальчику не было ещё года, он больше смеялся, чем плакал – писала о нём деду мать, – но с тех пор, как ребёнок полежал в ледяном ущелье, он словно переродился душевно. Дед не любил много говорить об этом происшествии, но все соседи знали о нём.

Отец Руди был почтальоном; большая собака Айола постоянно сопровождала его в переходах через Симплон к Женевскому озеру. В долине Роны, в Валлийском кантоне и теперь ещё жили родственники Руди по отцу. Дядя его был отважным охотником за сернами и известным проводником. Руди был всего год, когда отец его умер, и матери захотелось переселиться с ребёнком к своим родным в Бернский Оберланд. Недалеко от Гриндельвальда жил её отец, занимавшийся резьбой по дереву и с избытком зарабатывавший себе на прожиток. Пустилась она с ребёнком в путь в июне, вместе с двумя охотниками за сернами. Путники уже прошли наибольшую часть дороги, перебрались через гребень горы на снежную равнину, и

молодая женщина уже видела перед собою родную долину с разбросанными по ней знакомыми домиками; оставалось только одолеть ещё одну трудность – перейти большой глетчер. Недавно выпавший снег прикрыл расщелину, хоть и не проникавшую до самого дна пропасти, где шумела вода, но всё же довольно глубокую. Молодая женщина, нёсшая на руках ребёнка, поскользнулась, провалилась в снег и исчезла. Спутники не слышали даже крика, слышали только плач малютки. Прошло больше часа, пока им удалось принести из ближайшей хижины верёвки и шесты, с помощью которых с большими усилиями и извлекли из расщелины – два трупа, как им показалось сначала. Были пущены в ход все средства, и ребёнка удалось вернуть к жизни, но мать умерла. Старый дедушка принял в дом вместо дочери только внука, ребёнка, который прежде больше смеялся, чем плакал, а теперь, казалось, совсем разучился смеяться. Перемена эта произошла в нём верно оттого, что он побывал в расщелине глетчера, в холодном ледяном царстве, где – по поверью швейцарских крестьян – осуждены томиться души грешников до дня Страшного суда.

Словно быстрый водопад, застывший в воздухе неровными зеленоватыми стеклянными глыбами, блещет глетчер; одна ледяная скала громоздится на другую. А в глубине пропастей режут бурные потоки, образовавшиеся из растаявшего снега и льда. Глубокие ледяные пещеры и огромные ущелья образуют там дикий хрустальный дворец – обиталище Девы Льдов, королевы глетчеров. Губительная, уничтожающая дева – наполовину дитя воздуха, наполовину могущественная повелительница вод. Она перелетает с одного острого ледяного уступа горных вершин на другой с быстротой серны, тогда как смелейшие горные проводники должны вырубать себе здесь во льду ступеньки. Она переплывает рекущие потоки на тонкой сосновой веточке, перепрыгивает со скалы на скалу, причем её длинные, белые, как снег, волосы и зеленовато-голубое, блестящее, как воды альпийских озёр, платье развеваются по ветру.

– Раздавлю, уничтожу! Здесь моё царство! – говорит она. – У меня украли прелестного мальчика; я уже отметила его своим поцелуем, но не успела зацеловать до смерти. Теперь он опять между людьми, пасёт коз на горах, карабкается вверх, всё вверх, хочет уйти от других, но от меня ему не уйти! Он мой, я доберусь до него!

И она просила Головокружение помочь ей, – самой ей становилось летом слишком душно среди горной растительности, где благоухает мята. Головокружения же носятся тут целой стаей, – их, ведь, много сестёр – Дева Льдов и выбрала из них самую сильную, властную и в домах и на вольном воздухе. Головокружения сидят по перилам лестниц и по перилам башен, бегают белками по краю скал, прыгают, плывут по воздуху, как пловцы по воде, и заманивают своих жертв в пропасть. И Головокружение и Дева Льдов хватают людей, как полипы хватают всё, что мимо них проплывает. Так вот Головокружению-то Дева Льдов и поручила поймать Руди.

– Да, поди-ка, поймай его! – сказала Головокружение. – Я не могу! Дрянной кот обучил его всем своим штукам! Ребёнка этого охраняет какая-то сила, что отталкивает меня. Я не могу схватить этого мальчишку, даже когда он висит, зацепившись за ветку, над пропастью, а уж как бы мне хотелось пощекотать его под подошвами, или спустить кувырком в воздух! Да нет, не могу!

– Вдвоём-то мы сможем! – говорила Дева Льдов. – Ты или я! Я, я!

– Нет! Нет! – зазвучало им в ответ, словно в горах раздалось эхо колокольного звона. Это пели хором другие духи природы, кроткие, любящие, добрые дети солнца. Они как венком окружают вечернею порой горные вершины, паря на своих распростёртых розовых крыльях, пламенеющих по мере того, как солнце садится, всё ярче и ярче. Люди называют это сияние гор «альпийским заревом». Когда же солнце сядет, они взлетают на самую вершину и ложатся на снег спать до восхода солнца. Они больше всего любят цветы, бабочек и людей. Из последних же они избрали и особенно полюбили Руди.

– Не поймать вам его! Не поймать! – говорили они.

– Ловила я людей и постарше и посильнее! – отвечала Дева Льдов.

Тогда дети солнца затягивали песнь о путнике, с которого вихрь сорвал плащ. Оболочку только унёс ветер, а не самого человека! Вы, дети грубой силы, можете схватить его, но не удержать! Он сильнее духов, даже сильнее нас! Он взбирается на горы выше солнца, нашей матери! Он знает «слово», которое связывает ветер и воды, так что они должны служить и повиноваться ему!

Голоса их звенели в воздухе, словно колокольчики. И каждое утро светили солнечные лучи в единственное окошечко дедушкиного домика на тихого ребёнка. Дети солнца целовали его; они хотели оттаять, согреть его щёчки, стереть с них ледяные поцелуи владычицы глетчеров, которые она запечатлела на них в то время, как ребёнок лежал, в объятиях умершей матери, в глубокой ледяной расщелине, откуда спасся как бы чудом.

II. В новую семью

Руди исполнилось восемь лет. Дядя его по отцу, живший по ту сторону гор, в долине Роны, предложил взять мальчика к себе, – у него ребёнок мог лучше подготовиться зарабатывать себе средства к жизни. Дед понял это и согласился расстаться с внуком.

И Руди собрался в путь. Со многими приходилось ему прощаться, не считая дедушки; прежде всего со старушкою Айолою.

– Отец твой был почтальоном, а я почтовой собакой! – сказала она Руди. – Мы то и дело подымались в гору да спускались вниз; я знаю и собак и людей по ту сторону гор. Я не болтлива по природе, но теперь нам уж немного времени остаётся беседовать друг с другом, так я на этот раз дам волю языку. Расскажу я тебе историю, которая всё бродит у меня в голове. Я её никак не пойму, не поймёшь и ты, да и не надо! Вывела же я из неё вот что: не всем собакам и не всем людям живётся одинаково! Не всем суждено нежиться у господ на коленях, да лакать молоко! Я к такому житью не привыкла, но видела раз такую собачку. Она ехала в почтовом дилижансе, занимала пассажирское место! Дама, госпожа её – или вернее та дама, чьею госпожою была сама собачонка – везла с собою бутылку молока и поила им собачку, кормила её сладкими сухарями, а собачонка даже не изволила жрать, только нюхала, и госпожа съедала их сама. А я бежала по грязи рядом с почтовой каретою, голодная, как настоящая собака, и думала свою думу. «Не порядок!» думала я, да мало ли о чём приходится сказать то же, если приглядеться ко всему хорошенько! Дай тебе Бог нежиться на коленях, да ездить в карете, но зависит-то это не от нас самих! Мне вот, сколько я ни лаяла, не удалось этого добиться!

Вот что сказала Руди Айола, и мальчик обнял собаку за шею и поцеловал прямо в морду. Потом он взял на руки кота, но этот ошетинился.

– Теперь мы с тобой больше не товарищи, а царапать тебя я всё-таки не хочу! Карабкайся себе по горам, как я тебя учил! Только не бойся, что упадёшь, и – не упадёшь никогда! – И кот убежал, – ему не хотелось, чтобы Руди заметил, как он огорчён, а это так и светилось в его глазах.

Куры бегали по полу; одна была бесхвостая; какой-то путешественник, мнивший себя охотником, принял её за хищную птицу, да и отстрелил ей хвост.

– Руди-то собирается за горы! – сказала одна курица.

– У него вечно спешка! – сказала другая. – А я страсть не люблю прощаться! – И обе засеменили дальше.

С козами он тоже простился, и они жалобно заблеяли: «И мы-ы! И мы-ы!» – Очень это грустно было!

Случилось как раз, что двум известным проводникам из окрестности понадобилось побывать по ту сторону гор; с ними-то и отправился Руди пешком. Это был большой переход для такого малыша, но силы у него были, смелости тоже не занимать было стать!

Ласточки проводили их недалеко, распевая: «Вы и мы! Мы и вы!»

Дорога шла над быстрою Лючиною, которая разбивается здесь на множество мелких потоков и быстро несётся вниз из чёрного ущелья Гриндельвальдского глетчера. Вместо мостов служат тут перекинутые с одного берега на другой деревья и каменные глыбы. Вот путники достигли Эллернвальда и стали подыматься вверх, как раз неподалёку от того места, где глетчер уже отделился от каменистой почвы горы. Дальше пошли по самому глетчеру, то шагая прямо по ледяным глыбам, то обходя их. Но Руди и ходок был хороший и карабкаться мастер. Глаза его так и блестели от удовольствия, и он так твёрдо ступал своими крепкими ногами, обутыми в подкованные башмаки, точно хотел отпечатать по дороге свои следы. Чёрный землистый осадок, оставленный горными потоками, придавал глетчеру вид покрытого штукатуркою, из-под которой проглядывал местами зеленовато-голубой, хрустальный лёд. То и дело

приходилось обходить маленькие пруды, образовавшиеся между нагромождёнными одна на другую ледяными глыбами. Встретился им также по пути огромный камень, качавшийся на краю расщелины; вдруг он потерял равновесие и с грохотом покатился вниз; эхо гулко прокатилось по глубоким горным ущельям.

Путники всё подымались да подымались. Самый глетчер напоминал бурно разлившуюся и внезапно застывшую беспорядочно нагромождёнными одна на другую ледяными массами реку, сжатую между отвесными скалами. Руди вспомнилось на минуту, как он, по рассказам, лежал вместе с матерью в глубине одной из этих дышащих холодом расщелин. Но затем мысли его приняли другой оборот, – история эта была для него не диковиннее всех остальных, слышанных им в таком изобилии. В иных местах, где, по мнению спутников Руди, такому мальчугану трудно было карабкаться вверх, они протягивали ему руки, но он отказывался от помощи, говоря, что не устал, и держался на скользкой ледяной поверхности как серна. Путники шли то по обнажённым скалам, то пробирались между огромными голыми камнями, то по низенькому сосновому кустарнику, то опять шли по зелёной траве; природа вокруг них всё менялась, рисуя им всё новые и новые виды. Кругом подымались снежные горы, которые знает тут каждый ребёнок: «Юнгфрау», «Мёнх» и «Эйгер». Никогда ещё не случалось Руди взбираться на такую высоту, где расстиралось безбрежное снежное море. В самом деле, куда ни взглянешь – всюду неподвижные снежные волны, с которых ветер как будто срезал верхушки и разбросал их по сторонам отдельными пенистыми клочьями. Глетчеры стояли тут такую тесною толпой, словно хороводы водить собирались – если можно так выразиться. И каждый глетчер являлся хрустальным дворцом Девы Льдов; здесь её царство; её воля здесь закон! А воля её – губить людей. Солнце светило ярко, снег сверкал ослепительною белизною и казался усеянным голубоватыми блестящими бриллиантами. Мёртвые насекомые, преимущественно бабочки и пчёлы, валялись на снегу массами; они отважились подняться слишком высоко – а может быть, их занесло в это безжизненное царство холода ветром – и погибли. На Веттергорне висело что-то вроде тонко расчёсанного чёрного хлопка шерсти – грозное облако. Оно опускалось всё ниже и ниже; что оно предвещало? Ураган, «фён», как называют здесь ужасный южный ветер. Впечатления этого путешествия навсегда врезались в память Руди: и ночлег в горах, и подъём, и глубокие ущелья, в которых вода точила каменные глыбы с незапамятных времён.

Покинутая каменная постройка, по ту сторону снежного моря, дала путникам приют на ночь. Они нашли тут древесный уголь и сосновые ветви. Запылал костёр, путники устроились на ночь, как могли удобнее. Оба проводника уселись возле огня, курили трубки и потягивали из кружек тёплое, пряное питьё, которое сами приготовили. Руди тоже получил свою порцию и сидел, прислушиваясь к рассказам о таинственных существах, населяющих Альпы, о диковинных, гигантских змеях, живущих в глубоких озёрах, о ночных привидениях, переносящих сонных людей по воздуху в дивный плавающий город Венецию, о диком пастухе, пасущем своих чёрных овец на горных пастбищах. Если никому никогда и не удавалось увидеть их, то, по крайней мере, часто слышали звон колокольчиков и отдалённое дикое блеяние стада. Руди с любопытством, но без всякого страха – его он не знал – стал прислушиваться, и вдруг ему почудилось, что он действительно слышит это таинственное, глухое блеяние... Да, оно слышалось всё явственнее и явственнее! Мужчины тоже услышали его, смолкли, прислушались и сказали Руди, чтобы он постарался не засыпать.

Это начался «фён», дикий ураган, который несётся с гор в долины и в своём неистовстве ломает деревья, как тростинки, переносит с одного берега рек на другой целые хижины, словно шахматные фигурки.

Прошёл час, проводники сказали Руди, что теперь всё кончилось и он может уснуть. Усталый мальчуган заснул, как по приказу.

Рано утром опять пустились в путь. В этот день солнце осветило для Руди новые, незнакомые ему горы, глетчеры и снежные равнины. Они уже вступили в кантон Валлис, перева-

лив через горный хребет, который виднелся из Гриндельвальда, но до нового жилища Руди было ещё далеко. Иные ущелья, иные горные лужайки, леса и горные тропинки развёртывались перед взором мальчика; показались иные дома, иные люди. И какие люди! Уроды, с жирными, жёлтыми лицами, с зобастыми шеями! Это были кретины. Они еле таскали ноги и глупо поглядывали на пришлецов. Особенным безобразием отличались женщины. Такие ли люди ждут Руди на его новой родине?

III. Дядя

Слава Богу! В доме своего дяди Руди увидел таких же людей, к каким привык на родине. Тут был всего-навсего один кретин, слабоумный бедняга Саперли. Бедные создания эти распределены в кантоне Валлис по домам жителей и проводят в каждом по очереди месяца по два. Когда явился Руди, Саперли жил как раз у его дяди.

Дядя был ещё сильный, ловкий охотник, и кроме того бондарь по ремеслу. Жена его была маленького роста, но очень живая, подвижная женщина с каким-то птичьим лицом: глаза как у орлицы, шея длинная, покрытая пушком.

Всё было тут ново для Руди – и одежда, и нравы, и обычаи, даже самый язык. Но ухо ребёнка скоро освоилось с ним, и мальчик стал понимать окружающих. Всё здесь показывало достаток и благосостояние, куда большие, нежели знал Руди в доме деда: горница, в которой помещалась семья, была гораздо просторнее, стены изукрашены рогами серн и отполированными ружьями, а над дверями висело изображение Божьей Матери, окружённое венком из свежих альпийских роз и освещённое лампадой.

Дядя слыл, как уже сказано, за отважнейшего охотника и лучшего проводника в окрестности. Руди скоро сделался баловнем семьи, хотя здесь и до него был уже таковой – старый пес. Он не годился больше ни к чему, но когда-то был прекрасною охотничьею собакой. Хозяева помнили это и смотрели на него чуть ли не как на члена семьи, так что собаке жилось отлично. Руди первым долгом погладил её, но она не так-то скоро подружилась с «чужим», каким явился для неё Руди. Мальчик, впрочем, скоро пустил прочные корни в сердцах всех домашних.

– Не так-то уж худо у нас, в кантоне Валлис! – говаривал дядя. – Серны у нас ещё водятся; они вымирают медленнее, чем каменные бараны. И в наши времена живётся много лучше, чем в старину. Как там ни расхваливают её, наше время всё же лучше. В нашем мешке прорезали дырку, пустили в нашу замкнутую долину свежего воздуха! На смену старому, отжившему всегда является новое и лучшее! – Так говаривал дядя, а если уж очень разговорится, то расскажет, бывало, и о своих детских годах, и о той поре, когда ещё был в цвете лет отец его. Вот в те-то времена, по его рассказам, Валлис и был «глухим мешком», набитым больными жалкими крестинами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.